

Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды

В отечественной истории трудно найти событие, сыгравшее столь же значительную роль в судьбе страны, как нашествие монгольских войск на Русь в XIII в. Вне зависимости от оценок этого события, большинство учёных считают его своего рода водоразделом в истории России. Образовавшееся на стыке Европы и Азии государство – Золотая Орда – стала заметным, а порой и доминирующим участником в международных отношениях на востоке Европы в XIII–XV вв. После распада Золотой Орды потомки правившей в ней династии, Чингисиды, тем не менее, долго ещё оставались политически значимыми фигурами и вызывали пристальное внимание властей России, Великого княжества Литовского, Персии, Османской империи. Рассмотрению сложных перипетий судеб многочисленных представителей «золотого рода» в Российском государстве XV–XVII вв. посвящена книга рязанского исследователя Андрея Васильевича Белякова (*Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011*). Автор этого исследования уже зарекомендовал себя как крупный специалист по истории служилых татар в допетровской Руси, и его монографическое исследование вызвало живой отклик многих видных учёных, занимающихся как историей России данного периода, так и специалистов по истории международных отношений, равно как и тюркологов.

В дискуссии о книге А.В. Белякова приняли участие доктора исторических наук Д.Ю. Арапов и Р.М. Шукуров (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), И.В. Зайцев и В.В. Трепавлов (Институт российской истории РАН), кандидаты исторических наук В.А. Виноградов (Институт российской истории РАН) и М.В. Моисеев (Музей истории города Москвы), а также В.Д. Назаров (Институт всеобщей истории РАН).

Вадим Трепавлов: Просопографическое исследование о Чингисидах

Редким в нашей литературе термином «просопографическое исследование» Андрей Васильевич Беляков обозначил аналитическое рассмотрение различных сторон жизни и статуса выезжих Чингисидов – потомков ханской династии, правившей в Золотой Орде XIII–XV вв. и в татарских государствах, которые образовались впоследствии на её территории. Строго говоря, эта династия происходила от старшего Чингисова сына Джучи, поэтому при изучении Золотой Орды историки обычно говорят не о Чингисидах, а о Джучидах. Однако если в средневековых текстах (в том числе русских), отражающих события XV–XVII вв., встречаются упоминания о Чингисхане, то его первенец фигурирует по большей части только как звено в генеалогических перечнях татарской знати. Поэтому применяемое автором название этого многочисленного клана оправдано.

«Татарская» тема традиционно привлекает внимание не только историков: проблемы контактов Руси с её восточными соседями в XIII–XVI вв. оказыва-

ются привлекательными для всех, кто интересуется прошлым России и народов Евразии. Время от времени вспышка любопытства к таким темам происходит у массовой аудитории – как правило, после появления увлекательных книг и фильмов. На острие интереса обычно оказываются монгольское завоевание, отношения с Ордой русских князей (особенно Александра Невского), Куликовская битва, «Стояние на Угре», завоевание Казанского и Сибирского ханств. Этим сюжетам посвящено множество научных и художественных сочинений, произведений искусства разных жанров.

Гораздо меньше известны, изучены и привлекательны события, связанные с эмиграцией в русские земли татарских аристократов, условия их жизни на новой родине, отношения с властями и с русским населением. Конечно, нельзя сказать, что данный круг проблем игнорировался историками. В 1860-х гг. академик В.В. Вельяминов-Зернов выпустил «Исследование о касимовских царях и царевичах» – монографию, которая до сих пор служит своего рода справочником по изучению правителей Касимовского царства, их карьеры, родственных связей и проч.¹ С тех пор тема жизни тюркских аристократов в России не удостоивалась специального изучения. Довольно многочисленные статьи и главы в коллективных монографиях, написанные, главным образом, татарстанскими авторами, в силу определённых методологических недоработок и этнополитических пристрастий не позволяют составить цельную и объективную картину этого интереснейшего феномена в российской истории. До сих пор (до выхода книги А.В. Белякова) не появлялось исследования, сопоставимого с трудом Вельяминова-Зернова по широте привлечённого материала и масштабу авторской эрудиции.

В «Исследовании о касимовских царях...» тема выезжих Чингисидов была раскрыта не полностью (собственно, Вельяминов-Зернов и ставил задачу ограничиться только их касимовской «ветвью»). Во-первых, Чингисиды жили далеко не только в Касимове, и у А.В. Белякова дана полная картина их широкого расселения в Московском государстве XV–XVII вв. Во-вторых, историки начала XXI в., по сравнению с их коллегами полуторавековой давности, располагают гораздо большим арсеналом исследовательских приёмов и методологических подходов. Наконец, Вельяминов-Зернов писал почти исключительно на основе опубликованных источников. Работа же Белякова в отношении источниковой базы безупречна. Она основана на материалах архивных документов, подавляющее большинство которых не было известно исследователям и впервые вводится в научный оборот. Кроме того, наряду с обширной историографией, привлечены многочисленные публикации источников, начиная с XVIII в. и до изданий самого последнего времени.

Автор предпринял успешную попытку осветить обстоятельства появления на Руси мест и условий проживания, изменения в социальном статусе 189 Чингисидов, которых он разделил на «династии» – по месту выезда: ордынскую, казанскую, крымскую (Гирей), астраханскую, сибирскую (Кучумовичи), ургенцкую и казахскую. Замечу при этом, что двух персонажей из этого ряда – сыновей золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда – Касима (давшего имя царству и его столице) и Якуба – едва ли можно причислить к «казанской династии». При смутных обстоятельствах свержения и метаний по степям их отца этих царевичей трудно «привязать» к какому-либо юрту, в том числе к Казань-

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1–3. СПб., 1863–1866.

скому ханству, которое в середине XV в. ещё только формировалось. Скорее, их более правомерно отнести к династии не «казанцев», а «ордынцев».

Касимовское царство тоже не обделено вниманием в книге А.В. Белякова. Здесь он придаёт законченный вид аргументации своих возражений, уже высказывавшихся им в более ранних работах, против приписывания этому своеобразному политическому образованию в Мецкерском крае статуса ханства как полноценного владения с надлежащей территорией, контингентом подданных, системой налогообложения и т.д. Это царство являлось, по мнению автора, некоей условной административной абстракцией, без реально очерченных границ и стабильного состава элитных родов, с параллельно правившим здесь русским воеводой. Данная интерпретация расходится с довольно распространённым в литературе (особенно у татарстанских историков) мнением об этом царстве как о полноценном юрте, во многом схожем с независимыми послеордынскими тюркскими государствами. Причём, как считает Беляков, говорить о прекращении существования даже такого ирреального царства можно не после смерти его последней правительницы Фатимы-Султан в 1681 г., как принято считать в историографии, а гораздо раньше – с 1627 г., когда служилым Чингисидам было назначено регулярное государево жалованье вместо прежнего права взимать подати с населения.

Обстоятельства появления первых татарских царевичей в русских владениях рассмотрены в книге довольно подробно, насколько позволяют источники. Сохранившиеся документы, к сожалению, не дают возможности выяснить детали этого процесса в соседних с Московским великих княжествах – Рязанском и Тверском. Зато известно, что активная эмиграция из поздней Золотой Орды и наследных ханств происходила в Великое княжество Литовское. Вот по этому поводу сохранилось значительное количество разнообразных, разножанровых источников. Если ранние (XIII–XIV вв.) случаи переезда татарских мигрантов на жительство в северо-восточные русские земли представляются единичными и полуполюгендарными, то тесное и многолетнее сотрудничество литовских господарей с ордынскими венценосными изгнанниками абсолютно достоверно. Кульминация такого сотрудничества, очевидно, пришлась на конец XIV – первую треть XV в., когда в Литве правил Витовт, а в Орде – Тохтамыш и его многочисленные сыновья. Можно предположить, что в организации вассальных отношений с выезжими татарами, равно как и в выстраивании дипломатических комбинаций с посажением зависимых правителей в Казани и Астрахани, с содержанием при великокняжеском дворе «резервных» претендентов на троны, Москва во многом следовала литовскому примеру и прецеденту. Было бы интересно провести в этом аспекте сравнение московской и литовской стратегии и политики. В распоряжении А.В. Белякова (как ни у кого другого сейчас) имеется достаточно данных по «русской» части данной проблемы, чтобы в будущем привлечь литовские материалы и предпринять компаративный анализ.

В отличие от Литвы и Польско-Литовского государства, которые избежали господства Золотой Орды, в Московской Руси ещё долго ощущались последствия так называемого ига. Известно, что русские власти в XVI–XVII вв. использовали некоторые ордынские приемы управления неславянским населением на восточных территориях (Поволжье, Урал, Сибирь) – с целью адаптации их к новой власти и вообще к жизни в Московском государстве. Несомненным реликтом давнего господства Чингисидов был, в числе прочего, повышенный статус представителей этой династии. Хотя традиционно считается, что

самыми знатными являлись роды Рюриковичей и Гедиминовичей, потомки основателя Монгольской империи не только признавались «честью бояр выше» (Г. Котошихин, 1660-е гг.), но в иерархически организованных придворных церемониях занимали место сразу после царской семьи. И это несмотря на свою полную материальную зависимость от правительства, порой скудный достаток и явно наметившуюся в середине XVII в. аккультурацию в русской среде (Беляков предпочитает называть это явление культурной ассимиляцией).

Привлекая различные материалы, в том числе сведения о поместных окладах и разряды – росписи воевод по полкам, автор проследил постепенное изменение статуса Чингисидов: от отступления их на второе место по знатности после Калитичей (примерно с 1557 г.) до полного слияния с русской знатью и служилыми людьми и затем окончательной инкорпорации членов татарских родов в среду российского дворянства в 1718 г., когда архаичный титул «царевич» им заменили на княжеское достоинство.

Рассмотренные в монографии вопросы составляют часть обширного круга проблем, связанных с особенностями формирования российской правящей элиты. Приблизительно с XV в. налаживание сотрудничества с элитами присоединённых народов было одним из краеугольных камней государственного управления в России. Русские высшие страты традиционно кооперировались со своими иноэтничными «коллегами». Собственно, сам процесс постепенного формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. Алгоритм такого интегрирования предполагал относительную открытость, возможность для вступления в ряды дворянства. Таким образом, российское дворянство оказывалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Разумеется, существовали определённые критерии и ограничения, но в целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчала знатному представителю «иноверцев» рекрутирование в дворянский корпус, а, следовательно, и успешную карьеру.

После проведения различными историками очень приблизительных подсчётов принято считать, что около 130 русских княжеских и дворянских родов имеют татарские корни. На протяжении XV–XVII вв. наиболее заметным был приток в ряды правящей элиты аристократов тюркского происхождения (позже стали преобладать остзейские немцы). В исследовании А.В. Белякова этот процесс впервые отражён во всём многообразии ракурсов – от обстоятельств приезда и расселения знатных татар с их семьями, придворной свитой и воинскими отрядами до финансового состояния, частной жизни, социального статуса, места в сословной иерархии.

Дмитрий Арапов: Чингисиды – лишние люди в России?

Книга А.В. Белякова принадлежит к числу трудов по изучению микрогрупп в составе российской элиты. В последнее время появился ряд работ, достаточно всесторонне и подробно исследующих различные сюжеты по истории этой проблематики. Среди них можно выделить книги Д.М. Володихина об опричных воеводах Ивана Грозного и Е.В. Дорджиевой о калмыцких нойонах на

службе русскому трону². В труде Белякова детально освещены судьбы около двухсот представителей династии Чингисхана времени заката её могущества, когда все большее значение для потомков великого «мирозавоевателя», живших в Восточной Европе, стало приобретать служение складывающемуся Российскому государству.

Можно согласиться с мнением Белякова об особом значении участия Чингисидов в московском дворцовом и посольском церемониалах XV–XVII вв. По его обоснованному мнению, наличие подчинённых потомков Темучина у престола московских правителей должно было подчеркнуть всё значение перехода власти на востоке Европы от ордынских ханов к новым государям – потомкам Ивана Калиты и Фёдора Романова. В целом книга Белякова отличается крайней дотошностью и скрупулёзностью в освещении жизни российских Чингисидов от времени правления Василия I до провозглашения Российской империи.

Следует отметить, что показанный автором процесс постепенной инкорпорации Чингисидов в состав московской элиты не был для России чем-то принципиально новым. Легендарное заморское происхождение династии Рюриковичей, полиэтнический характер формирования боярства («пруссы» и «чюдины» Новгорода Великого) – все эти традиции ассимиляции разнородных элементов «верхов» способствовали абсорбции Москвой, начиная с XIV в., монголо-татарской знати, в том числе переселявшихся на Русь потомков Темучина. При этом Беляков обоснованно подчёркивает известную разницу в статусе крещённых Чингисидов и тех из них, кто остался верен исламу, но тут же убедительно доказывает, что в их положении не было принципиальных отличий. Более того, как известно, Москва достаточно умело использовала мусульман-Чингисидов в борьбе за власть над Казанью и обеспечении лучшего контроля над своими подданными-магометанами (Касимовское царство).

Подойдя в своей книге к эпохе петровского царствования, Беляков в целом справедливо констатирует, что в силу ряда внутренних и внешних причин (усиление самодержавия Романовых, обострение «мусульманского фактора» в связи с ухудшением отношений с Турцией) значимость Чингисидов в московской политике ослабевает. В то же время вывод исследователя о том, что в наступивший «петербургский период русской истории» Чингисиды стали в России своего рода «лишними людьми», представляется нам преждевременным.

Действительно, вплоть до начала XIX в. имперские власти не уделяли особого внимания судьбе потомков Темучина. Чингисиды «православного вероисповедания» влились в состав российского дворянства и по Жалованной грамоте 1785 г. наделялись всеми соответствующими «шляхетскими» правами и привилегиями. Их же получили и помещики-мусульмане, которые не могли лишь владеть крепостными-христианами. Это ограничение, однако, не распространялось на бывшие польские земли. Здесь по царским законодательным актам 1794 и 1840 гг. «татары»-помещики (в том числе потомки Темучина) сохраняли полное право на владение «крещёной собственностью».

Значение роли Чингисидов заметно усилилось с выходом империи Романовых на Кавказ и в Центральную Азию. В Черкессии царская администрация постоянно использовала многочисленных потомков местных ветвей Гиреев-Чингисидов, становившихся офицерами и чиновниками на коронной службе. Особое место в судьбе Чингисидов в Центральной Азии сыграла деятельность

² Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009; Дорджиева Е.В. Традиционная калмыцкая элита в пространстве Российской империи в XVIII – начале XX века. М., 2007.

М.М. Сперанского. В рамках проводимой по инициативе этого выдающегося русского государственного деятеля реформы управления Сибирью был достаточно гибко использован традиционно высокий в степи авторитет потомка Темучина. По «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г. Чингисиды – верхушка мусульманской степной кочевой знати – были включены в состав царской администрации на территории казахских земель. Во главе волостей ставили Чингисид с титулом «султан» (в чине поручика русской армии), во главе округа также стоял «старший султан» – потомок Темучина в чине майора царской службы. Наиболее известным из этих «султанов» являлся друг Ф.М. Достоевского, замечательный казахский просветитель Чокан Валиханов. Систему «султанского» правления в казахских степях была свернута в 1860-х гг. Однако авторитет имени Чингисхана в России оставался по-прежнему высоким. Наиболее известным представителем рода Темучина в Петербурге на рубеже XIX–XX вв. являлся потомок ханов Букеевской Орды генерал от кавалерии Султан-Чингисхан, выступавший заступником интересов 14-ти миллионов российских мусульман при царском дворе. В советской и современной Центральной Азии принадлежность к роду Чингисхана оставалась и остается особенно значимой и почитаемой.

Александр Виноградов: «Золотой род» в международных комбинациях московского правительства

Обсуждаемая работа Андрея Васильевича Белякова вызвала значительный резонанс и среди учёных, рассматривающих прошлое татарских народов, и специалистов по истории внешней политики Русского государства, и в кругу исследователей Смуты. В определённом смысле книга Белякова подводит итог длительному периоду изучения в отечественной историографии статуса Чингисидов в Московском государстве. До сих пор не были раскрыты причины массового появления Чингисидов в России; долгое время внимание исследователей было сосредоточено почти исключительно на материалах мецгерского татарского анклава (так называемого Касимовского царства); биографии Чингисидов в Московском государстве изучались лишь фрагментарно. Такие вопросы, как инкорпорация Чингисидов в российское служилое сословие, участие их в официальных церемониях, материальное положение татарских царевичей в России, их место во внешнеполитических планах российского правительства – оставались практически неисследованными.

Работа А.В. Белякова, естественно, не может в полном объёме осветить все аспекты пребывания Чингисидов в России. Тем не менее автору удалось выявить основные аспекты истории «золотого рода» в Московском государстве. Одна из важных проблем в книге – эволюция отношения к Чингисидам в России. В XV в. на них определённо смотрели как на верховных вотчинников. Падение Большой Орды в начале XVI в. положило конец восприятию Чингисидами московских великих князей как своих данников. Татарские царевичи с этого момента рассматриваются в Русском государстве уже как «почётные гости». С середины XVI столетия, по мере присоединения территорий Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Чингисиды превращаются в служилых князей, происходит медленное, но неуклонное ограничение их самостоятельных контактов с сопредельными тюрко-татарскими государственными образованиями. При этом особое положение их в Русском государстве не под

вергается сомнению ни в эпоху Ивана Грозного, ни при Борисе Годунове. После Смутного времени положение Чингисидов в России становится двойственным. С одной стороны, дальнейшее продвижение России в Сибирь и начавшиеся интенсивные контакты с казахскими ханами приводили к дальнейшей демонстрации особого статуса Чингисидов при московском Дворе. Большое значение приобретает использование их для укрепления престижа православного царя. С другой стороны, всё более отчетливо проявляется тенденция к включению Чингисидов в общерусскую служилую иерархию. Их особое положение при этом сохранялось: по родовитости они по-прежнему уступали только царской фамилии. Однако подспудно зрели и серьёзные изменения в восприятии Чингисидов в России, связанные прежде всего с их насильственным крещением при патриархе Никоне. Окончательный перелом наступил в эпоху Петра I, когда Чингисиды утратили свою роль.

Рассматривая обстоятельства появления Чингисидов в Русском государстве, Беляков определяет два основных варианта их перехода в российское подданство: добровольный приезд или захват при установлении политического контроля Москвы над сопредельными тюрко-татарскими государствами. Потомки Улуг-Мухаммеда, как правило, оказывались в России вследствие династических распр в Казани, где московские государи стремились возводить на престол послушных ханов. Те же причины приводили в Москву крымских Гиреев, рассчитывавших при её поддержке продолжить борьбу за крымский престол. В этом смысле весьма показательна подробно изложенная автором история приезда в 1585 г. сыновей свергнутого хана Мухаммед-Гирея II.

Представители Астраханской династии в большинстве своём ехали в Россию добровольно, автор справедливо связывает их «наплыв» с подготовкой и проведением присоединения Астраханского ханства в 1554 г. Сибирские Шибаниды (Кучумовичи) в большинстве случаев попадали в Россию как пленники после захвата их юрта. Хивинские царевичи находились на Руси преимущественно случайно, «по воле обстоятельств», равно как и казахские Чингисиды.

Автор внимательно анализирует место Чингисидов в русской политической элите. Выступая в марте 2012 г. в Казани на конференции, посвящённой истории тюрко-татарских государств, А.В. Беляков назвал Чингисидов «лишними людьми», мотивируя это тем, что они в конечном итоге не смогли оставить сколь-нибудь значительного следа в истории России. Данный тезис вызвал оживлённую дискуссию; ряд представителей казанской исторической школы оспорили это высказывание, подчеркивая высокий государственный статус Чингисидов, особенно в XV–XVI вв. Выводы Белякова отнюдь не бесспорны – такие представители «золотого рода», как Симеон Бекбулатович, действительно, никак не подходят под определение «лишних людей». Тем не менее следует подчеркнуть особенности статуса Чингисидов в России, которые показывают их определённо зависимое от московских государей положение. Они никогда не вели переговоры с представителями сопредельных государств, в том числе тюрко-татарских. Их участие в приёме иностранных дипломатов ограничивалось только церемониальной частью. Чингисиды никогда не занимали государственных должностей, имеющих реальное значение; при видной роли в государственных церемониях, они практически никогда не вступали в обсуждение политических вопросов и не являлись думными чинами. Даже в случае их назначения главными воеводами, Чингисиды не могли самостоятельно определять тактику военных действий. В этом плане весьма показательны

участие Чингисидов в Ливонской войне. Не случайно, по мнению автора, и то, что потомки Чингисхана не привлекались Иваном Грозным к борьбе против крымцев в 1571–1572 гг. Аналогичная картина наблюдается и при отражении нападения Гази-Гирея II в 1591 г.

Таким образом, налицо противоречие между высоким статусом Чингисидов и их реальным участием в управлении государством. Во многих случаях, особенно для первой половины XVI столетия, это противоречие можно объяснить тем, что Чингисиды в России воспринимались как возможные претенденты на казанский и астраханский престолы. В этом контексте можно рассматривать и начальный этап их пребывания в Касимове. Однако по мере увеличения численности Чингисидов в России с конца 1550-х гг. логично было бы ожидать выделение из их числа высшего слоя, связанного непосредственным родством с московской династией, реально участвующего в управлении государством и играющего самостоятельную политическую роль. Но этого не происходит. Чингисиды отказываются от самостоятельной политической роли в Русском государстве, что особенно ярко проявилось в период Смуты.

А.В. Беляков отмечает, что Чингисиды формально могли рассматриваться как ведущие фигуры московского Двора, имеющие возможность в силу родственных связей с московским правящим домом сменить на престоле династию Калитичей. Впрочем, возможность эта, по сути, связана исключительно с фигурой Симеона Бекбулатовича. Беляков, перу которого принадлежит политическая биография этого представителя астраханской династии, достаточно чётко показывает отсутствие политических амбиций у царя Симеона. Но сам факт ближайшего родства с угасшей династией оставлял вопрос о его призвании на престол открытым. В этом контексте собранные Беляковым сведения о взаимоотношениях Симеона Бекбулатовича с Лжедмитрием I представляют значительный интерес. Однако другой фигуры, равной царю Симеону по степени «приближённости к российскому престолу», среди Чингисидов просто не было. Его случай представляется по-своему уникальным.

Другая сторона этой проблемы – выступление проживающих в России Чингисидов как претендентов на престолы тюрко-татарских государств. Вопрос этот в отечественной и зарубежной историографии поставлен достаточно давно, однако внимание при этом традиционно акцентировалось на казанских Чингсидах. А.В. Беляков впервые ставит вопрос о пребывании в России крымских Гиреев в период династического кризиса в Крыму 1577–1588 гг. в контексте общего направления внешнеполитической деятельности русского правительства. При этом автор оговаривает, что из трёх сыновей хана Мухаммед-Гирея II главное значение имеет фигура Мурад-Гирея. Особенности его положения определены Беляковым достаточно чётко. Мурад-Гирей участвовал в дипломатических связях Русского государства с сопредельными мусульманскими государственными образованиями, в связи с чем выезжал за пределы Русского государства. Мурад-Гирею шертовали ногайские мурзы и представители крымской эмиграции (князя Сулешевы и Куликовы, ближайшие родственники которых занимали в Бахчисарае видное положение), входившие потом в состав его достаточно многочисленного Двора. Двор Мурад-Гирея в Астрахани имел особый характер в силу исключительного положения этого представителя «золотого рода» в России и продолжал существовать даже после смерти царевича как Двор его вдовы Ертуган вплоть до 1593 г. Автор проделал огромную работу по выявлению рассеянных по различным фондам российских архивов (прежде

всего РГАДА) данных о составе чингисидских дворов. Практически все эти сведения впервые вводятся автором в научный оборот. Он выделяет также проблему реального функционирования дворов Чингисидов, определяя специфику их правового статуса на различных исторических этапах.

Наиболее полно, на мой взгляд, исследован автором вопрос материального содержания Чингисидов в России. Чётко обозначены его основные составляющие – выход, ясак, разовые денежные дачи за участие в военных действиях, военная добыча, а также регулярные и единовременные денежные выплаты. Отдельно рассматривается проблема земельных владений Чингисидов. Вместе с тем вопрос о статусе городов, в которых они проживали, явно заслуживает рассмотрения в отдельной главе. Более тщательно следовало бы проанализировать обстоятельства привлечения Чингисидов к участию в посольских приемах, или, наоборот, их отстранения от них. Желательно также изучить их назначения на номинально руководящие посты в действующей армии на различных стратегических направлениях в контексте общего изменения военного и внешнеполитического положения Русского государства. За пределами исследования осталась пока тема реэмиграции отдельных представителей дворов Чингисидов в России после смерти их правителей, тем более что собранный А.В. Беляковым материал даёт возможность для проведения подобных наблюдений. Чрезвычайно важен вопрос о «самостоятельной политической роли» некоторых представителей дворов Чингисидов в России, поскольку в дальнейшем они могли оказываться «неформальными посредниками» в дипломатических связях Москвы и сопредельных тюрко-татарских государств, что, например, проявилось в 1580–1590-х гг. на крымском направлении её внешней политики.

Серьёзной проблемой остается изучение характера контактов московской политической элиты с Чингисидами, пребывавшими на территории Русского государства. Напомним, что эти контакты могли происходить в исключительных, даже экстремальных обстоятельствах, как, например, репрессии против Сименона Бекбулатовича или расследование обстоятельств смерти Мурад-Гирея в Астрахани, наконец, в ходе многочисленных катаклизмов Смутного времени. Обозначена, но не нашла полного отражения в работе тема политического сотрудничества Чингисидов в России, которое осуществлялось вне контроля русского правительства и вопреки его планам, как, например, контакты крымского Чингисиды Шан-Гирея и сибирского царевича Хансюера.

Естественно, доскональное рассмотрение этих проблем затруднено фрагментарностью или полным отсутствием источниковой базы. Тем не менее масштабность архивного материала, введённого А.В. Беляковым в научный оборот при подготовке книги, даёт возможность рассчитывать на дальнейшие перспективы изучения пребывания Чингисидов в России в XV–XVIII вв.

Владислав Назаров: Рюриковичи и Чингисиды. Проблемы взаимоотношений в преломлении источников

Начать разговор о монографии А.В. Белякова хочется цитатой из авторского заключения: «В целом нам удалось справиться с поставленной задачей. Создана достаточно подробная коллективная биография членов “золотого рода”, живших в России в XV–XVII вв., позволяющая проследить изменения, происходившие на протяжении жизни как отдельного Чингисиды, так и всего рода в целом» (с. 417). Не можем припомнить аналогичной авторской самооценки.

Она, пожалуй, уникальна. Но вот что удивительно – с ней «в целом» следует согласиться.

Впечатляют три обстоятельства. Во-первых, очень большой объём использованных источников, разножанровых и разноформатных, архивных (в соответствующем перечне фигурируют более 40 фондов шести хранилищ) и опубликованных (более 200 наименований). Понятно, что автор уверенно ориентируется в литературе проблемы, как непосредственно посвященной данной теме, так и касающейся её в связи с иными исследовательскими сюжетами. Во-вторых, весьма значителен круг «персональных историй» главных «героев» книги – их почти 200 человек и едва или не больше тех, кого автор именует родственниками Чингисидов в России и «наиболее доверенными их людьми». Не забудем ещё значительного числа лиц, так или иначе оказывавшихся в поле контактов с Чингисидами, и поместим всех этих исторических персонажей на сцену времени – а оно обнимает два с половиной столетия: масштаб работы виден наглядно. Наконец, в-третьих, значима сама постановка проблемы – она в принципе логична, системна и ясна в формулировании конкретных исследовательских вопросов. Полученные автором ответы на них и создают в итоге многомерное описание качественных характеристик положения в России Чингисидов семи династий – казанской, крымской, астраханской, сибирской, хивинской или ургенческой, казахской и самаркандской (не упоминаем одного неустановленного по происхождению Чингисида и десяти огланов/уланов или их детей).

Систематизации подлежала следующая совокупность показателей – происхождение, принадлежность к той или другой династии и место в ней; статус в России в связи с обстоятельствами появления (выезд, плен, рождение в России), при сохранении ислама или при крещении в православие; характер отношений с русскими правителями. Последние могли варьировать от союзных (формально равноправных), вассально-союзных (договорных), просто вассальных и до подданства³. В книге рассмотрены почти все аспекты взаимоотношений московских монархов и пребывавших на их территории Чингисидов – это отношения по службе, в основном военной, но также придворной и даже в отдельных случаях дипломатической, а также материальное обеспечение Чингисидов, актуализировавшееся как по факту их прибытия в страну и нахождения в ней, так и, главным образом, в качестве необходимого условия несения ими служебных обязанностей. Автор едва ли не исчерпывающе перечисляет все виды доходов и владений Чингисидов, начиная с традиционных для них ещё до появления в России (выход, ясак, поминки), частью сохранявшихся и позднее и включая пожалования городов, волостей, сёл, доходы от судебно-административных функций, военная добыча, разнообразные денежные и натуральные выплаты из казны московских правителей, разовые или регулярные дачи денег, одежды и проч. Важен также официальный дискурс, оформлявший и закреплявший совокупность признаков, определявших статус разных Чингисидов, менявшийся во времени. И этот сюжет, равно как и проявления частной жизни Чингисидов, не остались вне авторского внимания.

³ О данной типологии применительно к межна княжеским отношениям XV в. Северо-Восточной Руси см.: *Назаров В.Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // *Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина.* М., 2010. С. 382–427.

Не забудем ярких архивных находок почти исключительно XVII в. — «смотренные» списки 1623 и 1649 г. двора касимовских ханов и «сеитова полка», перечни вещей в связи со свадьбой царевича Михаила Кайбулина с М.Г. Ляпуновой в феврале 1623 г., список членов Двора касимовского царевича, давших шерть в 1653 г. и др. Именно они вместе с иными материалами (писцовыми описаниями, перепиской 1615–1616 и 1619/20 гг. касимовского царя Арслана б. Али с царём Михаилом Романовым) дают возможность в деталях описать различные доходы хана, структуру его Двора, размеры и тип землевладения. Автор активно использует результаты археологических разысканий, описаний вещей из фондов музеев Рязани и Москвы, выводы этнологических наблюдений. Работа фундаментальна по замыслу, обладает весьма большим массивом в немалой мере новой информации. В итоговых выводах исследователь расходится с преобладающей сейчас точкой зрения на Касимовский юрт (ханство) во второй половине XV–XVI в., на тип взаимоотношений его правителей с московскими государями и формулирует главные этапы в исторических судьбах Чингисидов в России.

Полагаем, что книга Белякова долго останется актуальной и востребованной в науке. Однако, на мой взгляд, следует сделать принципиально важное замечание: она не вполне соответствует своему подзаголовку — «просопографическое исследование». Сейчас ему адекватны замысел, логика в постановке проблемы, объём, качество фактов и материалов, собранных в соответствии с этой логикой. Менее радостна картина с самим текстом книги.

Начнём с технической стороны: не видна работа редактора, текст не вычитан, в нём много опечаток. Вот совсем небольшой их перечень. Шах-Али, царевич из астраханской династии, рождается и в 105/06 г., и в 1605 г., но в обоих случаях умирает в 1567 г., причём ханом в Казани впервые становится в 1619–1621 гг. (с. 60, 149 и др.). Ещё разнообразнее приключения с датами жизни и карьеры его младшего брата Джан-Али. У него постоянна только дата рождения — 1516 г. Все остальные даты его жизни меняются: касимовским царевичем он был и в 1519–1532 гг., и в 1521–1532 гг., возводится на казанский престол он то осенью 1531 г., то в 1532 г., перестаёт быть ханом (его убивают) в 1533, 1535 и 1633 г. (с. 62, 92, 185, 189, 420). Княгиня Анастасия Мстиславская, жена царя Симеона Бекбулатовича, фигурирует чаще с отчеством «Ивановна» (что правильно), но приобрела попутно и отчество «Фёдоровна» (с. 110, 112, 363, 367 и др.). Её отец, боярин князь Иван Фёдорович Мстиславский, упоминается в разряде 1572/73 г. (в книге ошибка — 1672/73 г.) вместе с царем Саин-Булатом б. Бекбулатом. А.В. Беляков называет князя Мстиславского «будущим зятем» Чингисида. И только через сотню с лишним страниц восстанавливается его истинный статус тестя (с. 199, 323). Проще история с ханом Нур-Даулетом из крымских Гиреев. Автор приводит ту точку зрения, согласно которой хан умер не ранее 1503 г., хотя сам он придерживается более ранней даты — 1493 г., не аргументируя, впрочем, своего предпочтения. К тому же он даёт ещё одну дату его кончины: «после 1487 г.». Но с его пребыванием в Кашире и Касимове очевидна нестыковка: в Кашире он находился между 1484–1491 гг., а в Касимове — около 1486 — около 1493 г. (с. 58, 78, 183, 274, 279, 419).

Список ошибок такого рода нетрудно увеличить и притом многократно. Но вот ещё две «технические» проблемы, создающие заметные сложности для восприятия книги. Одна из них — единообразие в написании имен «героев», и, пожалуй, даже больше «героинь». Понятно, что в принципе это особая, трудная

исследовательская задача на стыке истории, источниковедения, лингвистики и её фонетическом разделе. Но из почти тупиковой ситуации есть выход: оговорить в начале работы крайнюю неоднозначность написания тюркских имён в русской документации, накопившуюся здесь историографическую инерцию и выбрать на весь текст книги каждой персоне одно именное начертание, приведя в приложении весь набор именований, известных по источникам. При цитировании же конкретного источника следовало бы сохранить употребляемое в данном месте написание имени, а в указателе – сделать при необходимости перекрёстные отсылки. В таком случае одна из жён сибирского царя Али б. Кучума не будет обозначаться тремя именами (Канзада, Ханзада, Хан-заде), а читатель не будет приходить в недоумение, сравнивая имена в генеалогической таблице сибирских Шибанидов и в перечне попавших в августе 1598 г. в плен Кучумовичей (с. 68, 69).

Вторая техническая проблема – само построение работы. Оно таково, что один и тот же факт может повторяться, причём в идентичных выражениях, дважды, а то и трижды (о записи рода царевича Михаила Кайбулина в синодике Макарьевского Унжинского монастыря в связи с его женитьбой на М.Г. Ляпуновой – с. 64, 110–111, 122 и др.). О самом факте свадьбы говорится дважды – в разделах «Браки крещёных Чингисидов» и «Участие в церемониях государственных свадеб». Из 16 случаев в разделе «Государственных свадеб» только в пяти бракосочетаниях Чингисиды реально присутствовали как участники церемоний, а не в качестве брачных партнеров. Если в двух случаях выдачи замуж дочерей царевича Петра можно говорить о браке дочерей Чингисиды, то применительно к свадьбе кн. И.Д. Бельского и княжны М.В. Шуйской «чингисидская сущность» невесты просматривается в «наноединицах». Есть и иные примеры схожих повторов. При выбранной подаче материала (в разных разделах текст снова и снова излагается в хронологической последовательности) повторы фактов (дословные или смысловые) неизбежны. Результат – полное «доверие» автора квалифицированному читателю, который сам с помощью именного указателя должен собрать воедино разбросанную по разделам «историю» того или иного Чингисиды. Занятие увлекательное, но затратное по времени.

Правда, получаемая сумма сведений впечатляет. Это последние представители казанской династии братья Мухаммед-Эмин и Абд ал-Латиф, знакомые уже нам братья из астраханских Чингисидов Шах-Али и Джан-Али, отец и сын из сибирских Шибанидов хан Али б. Кучум и Арсан б. Али, а также многие другие. Думается, что в просопографической книге стержнем и должны стать личные биографии, воссозданные по заданным параметрам в пределах четырёх или пяти периодов. Представляется, что внутри хронологических разделов может быть продуктивным разделение по династиям и типологизация по конфессиональному принципу. Конечно, совокупность таких унифицированных личных «историй», информационно значимая сама по себе, позволит выявить наличие и правила функционирования социальных структур, институтов и связей или же их отсутствие, включая порядок взаимодействий Чингисидов с российскими правителями, их органами управления, между собой (собственно, существовала ли корпорация представителей «золотого рода» и в каких границах), с окружающим населением (русским, татарским, финно-угорским) – как с привилегированным его слоем, так и основной массой податного люда. Или, иначе говоря, сколь быстро и результативно встраивались, «вживлялись» отдельные Чингисиды или их родовые кланы в менявшиеся ключевые социальные

структуры и государственно-политические порядки самой России. Ответы на все или почти все вопросы в рецензируемой работе существуют, но опять-таки нередко не в концентрированном виде и не всегда с необходимой аргументацией.

Понятно, что при таком подходе целый ряд важных наблюдений по дискуссионным или неразработанным сюжетам уйдёт в приложение, в совокупность исследовательских эссе, принципиально необходимых при такой базе источников и при таком уровне споров. Было бы разумно издать в приложении тексты значимых архивных и опубликованных документов. Сейчас они или приведены в основном тексте книги (см. «поимённый список» 1585 г. отправленных на военную службу лиц из Тверского княжества Симеона Бекбулатовича – с. 206–211) или пересказаны (см. перечень дворовых и городских детей боярских, а также новиков из Звенигородского уезда царя Симеона Касаевича – с. 196–197; опись вещей, одежды, еды и питья на свадьбе царевича Михаила Кайбулина и М.Г. Ляпуновой – с. 353–355 и др.). «Смотренные» списки 1623 и 1649 гг. отражены в книге таблично и лишь частью в тексте.

Работе просто необходимы указатель географических и этнических названий, небольшой словарь тюркоязычных терминов родства и социального устройства (было бы полезным поместить в приложении специальные историко-лингвистические эссе о терминах князь, мирза, казак, ханский Двор, если последнее понятие существует), карты и картосхемы Мещеры и Касимовского уезда. Сейчас в книге нередко при указании на тот или иной факт идёт ссылка на исследования В.В. Вельяминова-Зернова, М.Г. Худякова, Н.И. Шишкина. Для просопографической работы это вряд ли верно – сначала должен фигурировать источник и лишь затем те или другие монографии.

В первой главе раздел об источниках обозначен как «Обзор источников». И это действительно библиографическое перечисление изданий нарративов и документов, архивных фондов с максимально краткими их характеристиками. В известной мере потребительское отношение к летописям, а частью и к другим материалам в работе налицо. Вот два примера, связанных с Никоновской летописью. Автор говорит о походе на Соленск в 1444/45 г. двух царевичей по приказу Василия II и вслед за А.А. Зиминим называет их – Касим и Бердедат (с. 373–374). Ни в одном русском своде XV – начала XVI в. этого известия нет. Супрасльская летопись, синхронная событию, говорит о воевавших Вяземские земли «москвичих» (так она именует любых жителей Московского великого княжества. – В.Н.) и татарах». Но летопись не знает никаких царевичей. Затем в ней сообщается о литовском походе (вывоеваны сельские территории четырёх русских городов), о поражении русских отрядов при преследовании литовцев и о военных действиях «тогда» против татар Василия II под Муромом. Последние три события, с иной деятельностью и оценками наличествуют в русских сводах (там названы удельные князья, чьи отряды потерпели неудачи при преследовании). И все эти известия датируются осенью–зимой 1444–1445 гг. Так что у самого московского великого князя не было тогда ни разумных мотивов, ни достаточных ресурсов, ни «двух царевичей» для войны с Казимиром. Второй пример связан с датой «инаугурации» царевича Джан-Али ханом в Казани. Сложность в манере издания Никоновской летописи за эти годы такова: в ней переданы тексты Патриаршего и Оболенского списков, воспроизводящие разные предшествующие источники за 1530–1541 гг. – Воскресенскую летопись и Летописец начала царства. Обращение к Воскресенской летописи и проверка

двух дат по дню недели (в воскресенье 17 сентября 1531 г. Василий III с семьёй отправился в Троице-Сергиев монастырь, в воскресенье 19 ноября он вернулся в Москву) даёт однозначный ответ: в декабре 1531 г. в Нижний Новгород с войсками был отправлен Шах-Али, уже побывавший ханом в Казани (1519–1521 гг.), а в июне 1532 г. Джан-Али стал казанским ханом. Вообще было бы верным для событий середины XV – начала XVI в. использовать набор хронологически близких сводов: Московский свод 1479 г., Ермолаевская, Типографская, Симеоновская и Вологодская летописи, Софийская 1-я летопись по списку Царского (официальный свод 1508 г.). Для последующего времени – Никаноровскую (1-я редакция свода 1518 г.), Никоновскую и Воскресенскую (за 1510–1541 гг.) летописи, а затем Летописец начала царства.

В работу, к сожалению, вкрались и другие ошибки. Первое появление Мухаммед-Эмина на ханском престоле в Казани (с. 278) следует датировать не 1484 г., а первой половиной 1485 г. (предпочтительней известие официальной разрядной книги 1598 г. и событийный контекст по летописям), поход на Казань с участием царевича Джаная имел место не осенью 1505 г. (с. 183), но в апреле–мае (отправление отрядов «в судах») – июле 1506 г. (возвращение после неудачного похода и судовой рати, и конной)⁴. Неточен автор в характеристике писцовой, точнее «приправочной» книги по Звенигороду. Она датируется 1558–1560 гг., а не 1592/93 г. (с. 196). Рукопись тщательно обследована и воспроизведена С.Н. Кистеревым в издании 1992 г.⁵, которое указано в работе А.В. Белякова, но пользуется он почему-то не вполне аутентичной публикацией 1872 г. Это не мелочь: источник синхронен времени, когда Звенигородом владел царь Симеон Касаевич. Следовательно, есть возможность определить границы властных прерогатив Чингисидов на пожалованных ему территориях в отношении наличной структуры землевладения, а также зафиксировать генеалогический состав и внутреннее строение двора. В этом вопросе автор справедливо использует данные свадебного разряда Симеона, но, кроме того, около десятка указаний на службу царю Симеону содержит Дворовая тетрадь.

Проблеме дворов Чингисидов в России в книге посвящена специальная глава. Трудно согласиться с исходной посылкой – под Двором автор понимает всех служащих данному Чингисиду воинов, включая военных холопов. Поскольку системных параллелей с дворами династий Чингисидов вне России автор не проводит (трудно сказать, насколько это осуществимо по состоянию соответствующей литературы), остаётся открытым вопрос, насколько социальные и правовые реалии России XV–XVI вв. трансформировали структуры чингисидских дворов, сохранявших верность исламу. В частности, автор говорит о наследовании дворов умерших Чингисидов их братьями или сыновьями в пределах одной династии и отсутствии переходов их в состав Двора Чингисидов иного клана при получении им прав на Касимов. В таких случаях формировались сравнительно небольшие корпоративные группы, напрямую связанные по службе с московскими монархами. Ничего подобного не происходило в России: ликвидация удела по тем или иным причинам означала только

⁴ Разрядная книга 1598–1638 гг. М., 1976 (далее – РК 1598). С. 36–37; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 177.

⁵ Материалы для истории Звенигородского края. Вып. I: Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. М., 1992.

одно – в ситуационно различных формах прежний удельный Двор входил в состав Государева двора.

Другая сторона проблемы: что происходило с дворами Чингисидов, принявших православие и обладавших какими-то значимыми территориями? Вопреки мнению А.В. Белякова, перечень 1558–1560 гг. по Звенигороду и тверской «поименный список» 1585 г. не суть «полные списки» дворов царей Симеона Касаевича и Симеона Бекбулатовича. Это документы иного рода. Собственно к дворам в них следует причислять думцев, дворцово-путных и приказных лиц (здесь отдалённая аналогия с некоторыми «московскими чинами» общероссийского Двора), а также дворовых детей боярских. Разумеется, нет и речи ни о рядовых детях боярских, ни тем более о боевых холопах. А это значит, что переход в православие существенно менял социокультурную среду и сами условия существования Чингисида-новокрещена. Перед нами, по существу, с незначительными отличиями Двор удельного князя из московских Рюриковичей даже при наличии в нём отдельных лиц или небольших групп тюркского происхождения (так было с Двором царя Симеона Касаевича). Такой Чингисид адаптировался (с большей или меньшей быстротой) в высшую российскую аристократию, а в отдельных случаях был близок к семейному кругу правящего монарха. Соответственно, православных Чингисидов в XVI – начале XVII в. вряд ли стоит причислять к корпорации членов «золотого рода» в России.

Впрочем, пока автор не убедил нас, что такой социальный институт реально существовал и заметно влиял на отношения отдельных Чингисидов с московским правителем, на характер их служб, на условия и размеры их материального обеспечения. Разве известны русские документы XV–XVI вв. типа боярских списков или Дворовой тетради на определённую дату с официальной фиксацией Чингисидов по личному составу и с иерархией их рангов и статусов? Разве существуют договоры московских монархов с целыми группами Чингисидов в рамках внутрироссийских отношений? На наш взгляд точнее говорить о совокупности династических (родовых, клановых) корпораций Чингисидов.

Не согласимся также с автором в трёх конкретных сюжетах, связанных с тематикой Двора. Неверно утверждение о том, что статусное преобладание представителей московских династий Рюриковичей над Чингисидами в России определилось в 1563 г. (с. 195–196, 375, 385 и др.). О чём, собственно, речь? О фиксации порядка их упоминаний в разрядах. Ясно, что сравнению подлежат те или другие кровные родственники правящего монарха, но не он сам. 1563 г. – это назначения Полоцкого похода, в них кн. В.А. Старицкий действительно во всех случаях поставлен выше или раньше Чингисидов – двух крещённых царей и четырёх царевичей. Но это вовсе не новость: в разряде предполагавшегося похода «в Поле» летом 1559 г. кн. Старицкий был выше царя Симеона Касаевича⁶. И это не первый случай: командующим в походе на Казань весной–летом 1506 г. был угличский удельный князь Дмитрий Жилка, а с воеводами полка Правой руки «шел направо» со своим отрядом царевич Джанай. И самое главное – нет ни одного случая, когда бы московский Рюрикович стоял ниже Чингисида.

Неточно утверждение о том, что по разным причинам Чингисиды к 1557/58 и 1563 гг. стали назначаться полковыми воеводами (с. 379–380, 385, 395 и др.) Они никогда в XVI в. не именовались воеводами при фиксированном имено-

⁶ РК 1598. С. 181.

вании «царём» или «царевичем». Они расписывались, если угодно, в качестве особых командующих теми или другими полками, но во всех случаях после имени «шефа полка» Чингисида шла формула «царя и великого князя бояре и воеводы», а за ней перечень фамилий русских военачальников. Отряд царя или царевича был как бы автономной частью и не включался в роспись полков. Показательно, что в перечнях голов (командиров среднего уровня в полках) нет ни одного тюркского имени. Так было в Ливонском походе зимой 1557/58 г., в росписи войск в Смоленске летом 1562 г., в разряде Полоцкого похода конца 1562 – начала 1563 г.⁷ На наш взгляд, практика 1550-х – середины 1560-х гг. свидетельствует о более органичном включении отрядов Чингисидов в состав русских походных армий, о более эффективном использовании их военного потенциала, но вряд ли о его ослаблении (как думает автор книги) – масштабы и интенсивность военных действий в 1550–1560-е гг. заметно превосходили аналогичные показатели в конце XV – первой четверти XVI в. Добавим, что численность различных отрядов с тюркским или финно-угорским населением в Полоцком походе составила более 5200 воинов. Только двор касимовского царя Шах-Али и касимовский же «сеитов полк» насчитывали 1260 человек. Вряд ли собственные силы Чингисидов в России конца XV – начала XVI в. имели более высокие показатели по численности. Мы не знаем и о каких-либо крупных победах отрядов Чингисидов в эти десятилетия.

Правда, один уникальный случай воеводства Чингисида в первой половине XVI в. имел место. Царевич Фёдор Меликдаирович, новокрещен к 1512 г., упомянут в разрядах восемь раз, причём семь из них – в связи с военной службой. В 1516 г. он – царевич и воеводой не именуется (в Великих Луках). В трагичный для страны 1521 г. он назван как «царевич князь» (!) и помещён после общей формулы «воеводы» (подразумевается – великого князя) в Торопце. Наконец, в 1528, 1534–1537 гг. он именуется только князем и последовательно фигурирует в перечне воевод, притом всегда на первом месте. Выше кн. Фёдора Меликдаировича был только кн. Андрей Иванович Старицкий: этот единственный случай произошёл летом 1534 г. в Боровске. В 1535 и 1537 гг. он возглавлял как первый воевода Большого полка Пятиполковые рати. Под ним служили представители высшей российской аристократии. Показательны назначения 1537 г.: ниже него стояли кн. В.А. Микулинский (служилый князь с индивидуальным статусом из тверских Рюриковичей), боярин И.Д. Пенков (из ярославских Рюриковичей, муж родной сестры правительницы, вел. кн. Елены Глинской), боярин и конюший кн. И.Ф. Овчина-Оболенский (фаворит Елены Глинской), князя Одоевские, Оболенские, Курлятевы и другие не менее знатные титулованные и нетитулованные персоны⁸. Перед нами единственный пример утраты Чингисидом своего «царственного» именованья. Почему и как это произошло, сказать нельзя, но следствия понятны. Кн. Фёдор Меликдаирович органично вписался в высший слой московской знати благодаря смене веры, женитьбе на представительнице московских Рюриковичей (по линии матери), своим воинским талантам и переходу из «царевичей» в «князья». Он, кстати, единственный Чингисид, несший «тяготы» службы наместником, причём в Великом Новгороде. Скорее всего, это случилось в 1528–1531 гг., но точно – осенью 1531 г.

⁷ Там же. С. 170–171, 195–196, 198–200 и др.

⁸ РК 1598. С. 53, 59, 67, 72, 84, 88, 90, 91.

Служебная биография последнего представителя казанских Чингисидов в России стала моделью для судеб Чингисидов иных династий уже в XVII в. Равно как и кн. М.Т. Черкасский, брат второй жены царя Ивана IV, кравчий «с путем» в 1560-е гг. был предтечей кравчего кн. С.Е. Сулешева (с. 385)⁹.

Не согласимся с рядом оценок автора по поводу мотивов, причин и политических следствий перехода Чингисидов в православие. Первым по хронологии (21 декабря 1505 г.) стало крещение царевича Худайкула, сына казанского хана Ибрагима б. Махмуда. В официальной летописи этому посвящён подробный рассказ, а чуть ниже сообщается о браке Чингисиды с сестрой Василия III Евдокией 25 января 1506 г.¹⁰ Показателен событийный контекст летописной статьи. 6 сентября состоялась свадьба великого князя с С.Ю. Сабуровой, под тем же месяцем говорится о набега казанского хана Мухаммед-Эмина на Нижний Новгород (выше сообщалось об аресте московского посла в Казани в конце июня 1505 г., аресте русских купцов и конфискации у них товаров), зафиксированы смерть Ивана III (27 октября) и посылка 7 декабря в Крым посла для продолжения прежних союзных отношений. После рассказа о крещении царевича сообщается о поставлении двух архиепископов на кафедры в Великий Новгород и Ростов (15 и 18 января 1506 г., то есть в это время в Москве собирався освященный собор), а затем о браке царевича¹¹. А.В. Беляков посчитал акт крещения «жестом доброй воли» Василия III в его отношениях с Казанью, а выбор имени Петра для царевича связал с почитанием царевича Петра ордынского в Ростове. Вслед за А.А. Зиминим он увидел в этих шагах московского государя его намерение сделать Чингисиду православным претендентом на престол в Казани и, возможно, наследником великого князя в Москве (с. 82–83, 90, 106–107, 117, 128, 139, 159 и др.). Зимин, однако, не привёл ни одного факта или косвенного свидетельства в подкрепление своих гипотез о царевиче Петре. Логика простая: известны напряжённые отношения Василия по крайней мере с двумя братьями (Юрием и Семёном), а брак с Сабуровой оказался бездетным. Но разве московский монарх мог это предполагать в конце 1505 – начале 1506 г.? Весенне-летний поход двух ратей на Казань в 1506 г. стал продолжением политики компромисса Василием III? В рамках уже сложившихся государственных практик наследования верховной власти в России, в контексте фактически сформировавшейся идеологии самодержавной монархии разве была реально осуществима передача московского престола Чингисиду, пусть и крещёному? Ответы на эти вопросы очевидны. Бесплодность Сабуровой стала окончательно ясной для Василия III к 1523–1525 гг. Замирение с Казанью после её неудачных попыток создать антимосковскую коалицию из сил Крыма, Литвы и Казани произошло по инициативе казанского хана (так говорят русские источники). Московский монарх не собирався отдавать бразды верховной власти недавнему мусульманину. Для мотива в выборе имени Петра показательнее сама дата – 21 декабря, наиболее значимая в почитании святого митрополита «всея Руси» Петра (день его кончины). И, кстати, ростовская кафедра к декабрю 1505 г. «вдовствовала» уже около двух с половиной лет.

Крещение царевича Петра и его брак с сестрой монарха имели и пропагандистское, и политическое значение. Они символизировали принципиальные

⁹ О кн. Черкасском см.: Назаров В.Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI – начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 39. С. 177.

¹¹ Там же. С. 176–177.

перемены в отношениях московских Рюриковичей и Чингисидов. Последние как бы признавали преимущество православия над исламом и собственную позицию «жалуемого» лица – не только городами и территориями, но и разрешением на смену веры, и «дачей» в супруги близкой родственницы московского государя. Имел место и практический аспект – Василий III нуждался в частичных, но важных изменениях генеалогического состава и численности правящего слоя московской аристократии (здесь он, впрочем, следовал вековой традиции).

В том же плане следует оценивать и брак царевича Фёдора Меликдаировича. А.В. Беляков, отождествляя вслед за последними работами его жену с дочерью кн. П.Д. Ростовского и княгини Анны, дочери брата Ивана III, удельного князя Бориса Васильевича Волоцкого, к сожалению, не учитывает статьи С.З. Чернова о погребениях в Успенском соборе Иосифо-Волоколамского монастыря¹². Огорчительнее другое: автор полагает, что есть «все основания считать, что другие крещёные братья Фёдора также взяли за себя женщин из рода Ивана Калиты» (с. 385). Во-первых, Чингисиды в XVI в. не «брали себе жён», их им «давал» (жаловал) московский монарх. А, во-вторых, и это главное – о каких женщинах из рода Калиты вообще может идти речь в 1510–1520-е гг.? Таковые просто не существовали. Трех незамужних дочерей Ивана III (как, впрочем, и состоявших в браке) уже не было в живых, не осталось дочерей от удельных князей конца XV – начала XVI в., все братья Василия III по очевидным причинам были холостыми. Единственный вариант – дочери князя Василия Шемячича, но они, по данным середины XVI в., никогда не были замужем. Так что три или четыре брата Фёдора так и остались холостяками, не успев жениться (о двух из них никаких сведений после 1513 г. нет, другие исчезают из источников не позднее 1521 г.), или же их браки оказались не столь престижными.

Отдельно следует сказать об оценках автором родственных связей царя Симеона Бекбулатовича и его титулатуре. По мнению Белякова, Иван IV считал его «своим племянником»; через мать (дочь князя Темрюка Черкасского) царевич «оказался в свойстве и родстве с Романовыми и Кучумовичами», а женат он был на внучатой племяннице царя Ивана Васильевича. Автор говорит о «возведении на московский престол» Симеона (речь идёт о событиях 1575–1576 гг.), называет его «московским царём», констатирует, что он имел больше прав на престол, чем Борис Годунов (с. 63, 84, 110–111, 117, 126, 214, 257, 348, 386–387). Внесём необходимые, на наш взгляд, уточнения. Причины, по которым Саин-Булат б. Бекбулат получил Касимов, скорее всего, двояки. Во-первых, после смерти Шах-Али в 1567 г. не было приемлемых претендентов: упоминания об одних исчезают из источников к середине десятилетия, другие (в частности, Михаил Кайбулович) перешли в православие. Во-вторых, он почти наверняка получил протекцию со стороны кн. М.Т. Черкасского и второй жены Ивана IV. В разрядах 1572–1573 гг. Саин-Булат именуется царём. Кажется, этот первый случай, когда обладание Касимовым через пожалование московского монарха давало право на царский титул. Но дальнейшая карьера

¹² Чернов С.З. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г.: Старый и новый приделы // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Материалы научно-практической конференции. М., 2008. С. 269–314; Фролов М.В., Чернов С.З. Комплексные исследования в Успенском соборе Иосифо-Волоколамского монастыря // Археологические открытия 2001 года. М., 2002.

царя Симеона, его женитьба на княжне А.И. Мстиславской никак не связаны ни с Черкасскими (Михаил был убит опричниками в 1571 г., смерть Марии была насильственной), ни с Романовыми (говорить о свойстве с ними в 1560–1570-е гг. никак нельзя). В 1575–1576 гг. он не «возводился» на московский престол и не был «московским царём». Его титул в главной части был таков: «великий князь всеа Руси», царский титул (по Касимову) не использовался. Официально не применялся он и после 1576 г., когда Симеон Бекбулатович стал «великим князем Тверским». В этом калейдоскопе перемен постопричной России на первый план выступали не связи по свойству или родству, а совсем иные факторы.

Завершая рецензию, подчеркнём: книга А.В. Белякова – важное событие в современной руссике и тюркологии, она фундаментальна по собранному материалу, логична в постановке проблем, в определении иерархии исследовательских вопросов. Намеченный автором план в книге в немалой мере реализован и с целым рядом его существенных выводов следует согласиться. Очень желательно появление в достаточно быстрые сроки нового, дополненного и исправленного издания монографии.

Илья Зайцев: Потомки Чингисхана в Москве и в Стамбуле: сравнительный анализ

О книге А.В. Белякова нельзя сказать полновеснее и чётче, чем это сделал сам автор в финале своего «просопографического исследования»: «Создана достаточно подробная коллективная биография членов “золотого рода”, живших в России в XV–XVII вв., позволяющая проследить изменения, происходившие на протяжении жизни как отдельного Чингисида, так и всего рода в целом» (с. 417). Добавим: достаточно подробная для того, чтобы рассмотреть в ней не только изломы 189 человеческих судеб, о многих из которых мы узнали впервые, но и увидеть за ними политику великой державы, с которой они вольно или невольно связали свои жизни.

Автор проделал огромную, новаторскую работу, и результаты его труда впечатляют. Признаюсь, я не нашёл в книге материала для серьёзной критики. Очень отраднo, что монография не только надолго (если не навсегда) ставит точку в ряде многолетних споров (имею в виду, прежде всего, вопрос о статусе так называемого Касимовского ханства – см. с. 265 и далее), но и провоцирует историков на решение ряда новых задач (пусть иногда и частных). В их числе важный вопрос о происхождении ряда лиц, о которых идёт речь в книге. Принадлежность некоторых из них к «золотому роду» вызывает сомнения. Прежде всего, это Шихим б. Мухаммед, выехавший в Россию летом 1589 г. А.В. Беляков в книге несколько раз упоминает его и, противореча самому себе, называет то самаркандским царевичем, то представителем Джанидов (с. 77, 100, 117, 118, 203, 250), то «шемаханским» и «самаркандским» одновременно (с. 369). Автор «изобретает» под Шихима даже особую «самаркандскую династию» (с. 426), единственными представителями которой были сам Шихим и его дочь (с. 420). В своей статье об этом человеке в энциклопедическом словаре «Ислам в Центрально-Европейской части России» Беляков называет Шихима «шемаханским царевичем»¹³. Русские источники, к сожалению, совсем ничего не говорят о родственных связях Шихима. Да и историков Нового времени личность царе-

¹³ Беляков А.В. Шихим б. Мухаммед // Ислам в Центрально-Европейской части России. М.; Н. Новгород, 2009. С. 350.

вича совершенно не привлекала: кажется, только С.М. Броневский упомянул его в своем труде, назвав при этом «шамарханским царевичем»¹⁴. Более всего этот царевич известен как зять касимовского царя Ураз-Мухаммеда (с. 99–100). После 1609 г. в документах Шихим не встречается, а его вдова Ханыш и дочь упоминаются в 1619 или 1623 г. (текст книги оставляет сомнения в дате) среди знатных ярославских служилых татар (с. 77, 100, 299). В Персидских делах царевич Шихим назван в числе сопровождающих посольство гилянского хана Ахмеда, которое возглавлял «гилянской торговой человек» Ходжа Хасан. Шихим называется в тексте то «самарханским царевичем», то «шешмарханским»¹⁵.

Мог ли Шихим быть самаркандским шейбанидом? Это весьма маловероятно. Самарканд был захвачен бухарским ханом Абдуллой II в 1576 г. и вплоть до его кончины в 1598 г. находился в его руках¹⁶. В начале 1599 г. город был захвачен казаками, но, видимо, в конце октября 1599 г. был пожалован Пир-Мухаммад-ханом II Баки-Мухаммаду и другим аштарханидским султанам. Персидский шах Аббас воевал с Абдуллой¹⁷, поэтому выезд шейбанида через сефевидские и гилянские владения Персии на Русь был невозможен. Мог ли Шихим быть представителем Джанидов? Подъём династии Аштарханидов относится к более позднему, чем выезд Шихима, времени (1601–1603 гг.), т.е. к периоду правления в Бухаре Джани-Мухаммеда¹⁸; которого В.В. Трепавлов отождествляет с потомком Тимур-Кутлуга султаном Джани-Мухаммедом б. Яр-Мухаммед (номинальным ногайским «ханом» при бие Юсуфе, примерно с 1549 г.)¹⁹. Мог ли он быть потомком шемахинских ширваншахов? Теоретически это возможно. Государство ширваншахов с династией Дербенди во главе прекратило существование под ударами сефевидских войск в 1538 г., а последний ширваншах Шахрух был казнён в Тебризе годом позже. Однако отдельные представители династии (вроде Абу-Бакра-мирзы) ещё достаточно долго пытались вернуть себе власть в Ширване, прибегая к османской помощи²⁰. Возможно также, что Шихим имел отношение к древнему Шамхору (совр. Шамкир в Азербайджане), где с первой четверти XVI в. правителями были наследственные главы племени шамсаддинлу (шамшадиль), ветви кызылбашского племени зулкадар.

¹⁴ [Броневский С.М.] Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне. СПб., 1996. С. 33.

¹⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее – ПДС). Т. I. СПб., 1890. С. 8, 12, 116, 120, 125.

¹⁶ История Самарканда. Т. 1. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1969. С. 260; Ахмедов В.В. О времени и обстоятельствах смены на рубеже XVI–XVII вв. династии Шейбанидов Аштарханидами // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. С. 163–166. Самарканд стал аштарханидским, видимо, в конце октября 1598 г.

¹⁷ «А бухарской Абдюла царь ныне с шахом в великой недружбе по ссылке з турецкого», писалось в статейном списке Васильчикова (ПДС. Т. I. С. 109).

¹⁸ Ахмедов В.В. Указ. соч. С. 169.

¹⁹ Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (Заметки к предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

²⁰ Мюнеджжим-баши о поздних ширваншахах // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 174–175. См. также: Эфендиев О.А. Некоторые сведения о последних ширваншахах дербендской династии (1500–1538 гг.) // Ближний и Средний Восток. Сборник статей. М., 1962. С. 93.

Я, однако, полагаю, что Шихим, вероятнее всего, принадлежал к гилянским Кейанидам или же Исфахидам. Гилян, населённый гиланцами и талышами и отделённый от внутреннего Иранского нагорья высоким горным хребтом, до конца XVI в. был экономически и этнически мало связан с внутренним Ираном. Политическая связь Гиляна с остальным Ираном до конца XVI в. также была слаба. В XIV–XVI вв. в Гиляне существовало два полунезависимых ханства. Одним из них был Бийэ-пиш («Ближний берег») – Ближний Гилян с ханской династией из шиитских сейидов Кийя, или Каркийя, во главе. Вторым был Бийэ-пас («Дальний берег»), где правили Исфакиды. Гилянские ханы были в XVI в. ненадёжными и часто непокорными вассалами Сефевидов. После ряда попыток отстоять внутреннюю самостоятельность оба ханства были уничтожены шахом Аббасом I в 1590–1592 гг. и обращены в области собственных шахских доменов²¹. Вскоре лахиджанский Ахмед-хан овладел всем Гиляном и поднял против Аббаса восстание вместе с прежним гиланским владельцем Мухаммедом-Эмином. Посланный против них Аббасом отряд вынудил обоих бежать в Ширван, где они запросили османской помощи. Мухаммед-Эмин вскоре умер по дороге в Гянджу, а Ахмед-хан отправился в паломничество и скончался, как подобает шииту, в Неджефе²². Таким образом, Шихим вполне мог быть сыном Мухаммед-Эмина или даже самого Ахмеда.

Для глухого Гиляна, не имевшего почти никаких связей с другими государствами, где русские (и вообще восточные христиане) казались явлением невиданным, сведения Григория Васильчикова, которые он сообщил Ахмед-хану на приеме 16 октября 1588 г., также представлялись чем-то почти невероятным: «приезжают к великому государю нашему... изо многих из мусульманских государств цари и царевичи, и с ними многие люди..., и государь наш... по своему государеву жалованью, а по их достоинству, их жалует: царем и царевичам... дает города и к ним свое жалованье держит великое и от веры их не отводит». Ахмед-хан на это отвечал: «то государь ваш делает гораздо и милостиво, что иноземцом в своей вере невольности делать не велит, да те иноземцы таких великих государей по своим землям и прославляют и милость государскую всякую объявляют всяким людям, и на такую ласку смотрячи, хто не едет!»²³. Видимо, после столь убедительной пропаганды московского посла, которая нашла понимание даже у самого хана, Шихим накануне ликвидации гиланской независимости и решил укрыться на Руси. Таким образом, с происхождением этого человека пока ничего не ясно. Косвенно о нечингисидском происхождении Шихима может свидетельствовать и довольно низкая ставка его поместного и денежного оклада: 1 тыс. четей и 100 рублей (с. 383).

Ещё один загадочный Чингисид в книге А.В. Белякова – царевич «Мамышак» или «Мамишек» («Мустофин царев сын»), попавший в руки московских казаков (с. 58). В 1489 г. по просьбе Менгли-Гирея его вроде бы отпустили в Крым, но в 1492 г. он всё ещё был в Москве. Его младший брат Мухаммед в том же 1492 г. вместе с женой был у Менгли-Гирея («малой брат его Маамедь царевичь съ женою съ всемъ у меня»). Крымский хан вновь просил отпустить Мамышека, а Мухаммеда прислать в Москву: для него он просил у Ивана III Каширу: «моим недругом и твоим недругом велми недружбу доведет, таков

²¹ См. *Петрушевский И.П.* Народное восстание в Гиляне в 1629 г. // Учёные записки института востоковедения. Т. 3. М., 1951. С. 226–227.

²² *Аббас-Кули-ага Бакиханов.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 107–108.

²³ ПДС. Т. I. С. 52.

молодец». В том же 1492 г. Лобан Колычев сообщал из Крыма в Москву: «А Мамышека, государь, царевича царь послал под Орду; и которой человек приехал ко царю с вестми, и тот, сказывают, что Мамышек под Ордою, а ждет, сказывает, поры, чтобы ему улус взять». Вскоре Мамыш принял участие в военных действиях у Аккермана (Белгорода) против литовцев. Исходя из косвенного упоминания его сына («Да киркорского наместника сын Мамышев»), можно осторожно предположить, что Мамыш был наместником родового гнезда Гиреев – Кыркора (нынешней крепости Чуфут-Кале недалеко от Бахчисарая). В 1496 г. сын Мамыша ограбил людей великого князя²⁴. Скорее всего, оба брата рано ушли из жизни, так как их имена более в источниках не встречаются.

Можно было бы предположить, что отец братьев, Мустафа, был братом Менгли-Гирея, а значит Мамышак и Мухаммед – племянники хана. Однако эта версия маловероятна, поскольку имена 12 сыновей Хаджи-Гирея нам известны, и Мустафы среди них нет. У Хаджи-Гирея был брат, который также имел детей (известно о племяннике Хаджи-Гирея Джанай-оглан – вероятно, внук брата Гийас ад-Дина Алибека-Алибея²⁵). Возможно, в лице Мустафы и его детей мы имеем дело с потомками не Гийас ад-Дина, а его брата. С другой стороны, обращает на себя внимание, что отец Мамышека назван «царём», значит, он занимал ханский престол в каком-то из юртов. Пожалуй, единственным подходящим кандидатом на роль отца Мамышека мог бы быть Шибанид Мустафа б. Муса, разгромленный Абу-л-Хайром около 1446 г. Я склонен, тем не менее, поддержать точку зрения Белякова о том, что Мамышек, скорее всего, принадлежал к большеордынским Чингисидам.

А.В. Беляков совершенно справедливо пишет: «в положении Чингисидов в России имеются определенные параллели с отношением к представителям “золотого рода” в Стамбуле, где их называли господами “хутбэ и монеты”» (с. 409)²⁶. На Руси любой служилый царь или царевич заведомо (и это блестяще продемонстрировал автор) превосходил по своему положению московскую титулованную знать, уступая только русскому царю и его детям. То же видим и у османов. Османы были прекрасно осведомлены о Чингисидах вообще. По османскому «табелю о рангах» крымский хан был приравнен к румелийским бей-лербеям и ежегодно получал от султана содержание из доходов кафинской таможни, и равнявшееся примерно 1.5 млн акче (в XVII–XVIII вв. эта сумма под влиянием инфляции возросла до 9.5 млн). Действующие и бывшие ханы получали помимо этого личные доходы из османской казны. В этой связи особенно любопытно, что денежные выдачи Гиреев записывались непосредственно в тетради семьи падишаха²⁷. Кроме того, хан получал ещё и деньги на ведение военных кампаний совместно с османской армией (в Молдавии, Иране, Венгрии).

²⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 76, 79, 151, 155, 167, 209, 230.

²⁵ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, ф. V (Одесское общество истории и древностей), № 3805, л. 25 об. Перевод см.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 185.

²⁶ Справедливости ради стоит отметить, что это расхожее определение прилагалось вообще к независимым исламским правителям. Не могло быть и речи о чеканке монет Гиреями на территории Османской империи (см. подробнее: *Зайцев И.В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 288–298.)

²⁷ *Fischer A.* Crimean Separatism in the Ottoman Empire // *Nationalism in a Non-National State. The Dissolution of the Ottoman Empire*. Ohio, 1977. С. 62–63.

Инвеститура включала неременный Высочайший приём хана султаном, после чего хан жаловался специальными знаками-дарами – знаменем, саблей, мехом соболя, барабаном, а также особым головным убором, украшенным драгоценными камнями. Нередко ханам даровали также и кафтан с султанского плеча.

Один из сыновей крымского хана должен был находиться в Стамбуле в качестве заложника, при этом получая содержание от османского двора. Например, Иван Новосильцев (1570 г.) так рисует положение сына Ислам-Гирея: «У Селим же салтана крымского царя сын Ган-султан, а живет в городе в Янбоге, а к салтану не приезжает, ...а жалованья ему идет на год от Турского по сороку тысяч османок, а русская четыреста рублей, ...а то деи у турских салтанов ведетца изсстари, что крымского царя по одному царевичю у них жити». Многие Гиреи жили в румелийских владениях (Карнобат, о. Родос, о. Хиос)²⁸ на правах почётных пленников, не участвуя в политике и ожидая вызова в Крым в случае освобождения престола.

Вероятно, именно это привилегированное положение Гиреев при османском дворе и породило широко распространённое в Западной Европе в XVII–XVIII вв. мнение о том, что эти особые отношения Османов и Гиреев были закреплены каким-то специальным соглашением, согласно которому только представители дома Гиреев будто бы должны были занять османский престол в случае пресечения османской династии. Мнение это было, вероятнее всего, досужей выдумкой европейских путешественников: ведь даже случаи родства Гиреев с представителями дома Османов довольно редки. Мы знаем, что дочь Менгли-Гирея Айше была сначала женой султана Мехмеда (он был наместником в Кафе), а потом его брата Селима I. Саадет-Гирей был женат на дочери Селима. Это единственные зафиксированные браки представителей двух царственных домов)²⁹.

Всё это сильно напоминает московские порядки и московское отношение к Чингисидам. С появлением книги А.В. Белякова у исследователей роли и места Гиреев при османском дворе появился великолепный сравнительный материал.

Отдельные частности в книге можно уточнить. Так, наши представления о процедуре мусульманской присяги – шерти (с. 408) к настоящему времени стали богаче³⁰. То же касается и золотоордынских дипломатических ритуалов корешеванья и табуга-таусалама (с. 404–406)³¹. Отметим отдельные опечатки в библиографии и именном указателе. На с. 488 в именном указателе читаем:

²⁸ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 88–89; *Зайцев И.В.* Крымские ханы в ссылке на Родосе // Восточная коллекция. Лето 2009. № 2 (37). С. 96–101.

²⁹ *Alderson A.D.* The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxford, 1956. P. 88, 94. Правда, есть сведения, что в 1647 г. Ислам-Гирей устроил в Бахчисарае иллюминацию по случаю рождения сына и женитьбы дочери на султани Ибрахиме. См.: *Schütz E.* Eine Armenische Chronik von Kaffa aus der Ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Tomus XXIX (2). Budapest, 1975. P. 157.

³⁰ *Зайцев И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 3–9.

³¹ *Zajcev Il'ja.* Notes on the Golden Horde Diplomatic Ceremonial: The Origin of the Word *Koreš* in Russian Slang // *Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 58 (2005). № 3. P. 295–298; *Зайцев И.В.* К происхождению русского жаргонного *кореш* (из истории золотоордынского дипломатического церемониала) // *Altaica* X. М., 2005. С. 61–65; он же. «Таусалам»: из истории золотоордынского дипломатического церемониала // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 180–186.

«Куратья Мадыкова дочь», царица крымская и касимовская (см. также с. 92). Однако на самом деле это не личное имя жены Нурдевлета, а указание на её клановую принадлежность: она была дочерью Джумадыка из клана курат³². Иногда в указателе встречаются косвенные падежные формы имен, вместо прямых (например, «Ак-Даулета», с. 472).

Некогда академик В.В. Бартольд в рецензии на знаменитый справочник-энциклопедию Франца Бабингера об османских историках и их произведениях написал: «Рецензент-османист, вероятно, отметил бы ещё другие недочёты, но, конечно, неизбежные в таком труде недосмотры и пробелы нисколько не ослабляют достоинств книги и нисколько не уменьшают прав автора на благодарность всех читателей, которые будут ею пользоваться». Эти слова по праву могут быть отнесены и к книге А.В. Белякова «Чингисиды в России XV–XVII веков», без которой отныне сложно будет себе представить любое серьёзное обращение к теме русско-татарских отношений в указанное время.

Максим Моисеев: Окружение Чингисидов в России: Двор в изгнании

Служилые Чингисиды в России XV–XVII вв., мусульмане в православном окружении, наследники грозных ордынских царей при Дворе бывших улусников – эти проблемы находятся в центре внимания известного рязанского исследователя Андрея Васильевича Белякова. Процесс инкорпорации Чингисидов в русскую правящую элиту растянулся на 200 лет и завершился при Петре I. Была ли корпорация служилых Чингисидов всё это время неизменной? Какое место она имела в структуре политики Московского царства? Насколько эффективен был этот институт? Можно ли назвать Чингисидов «лишними людьми», как это сделал автор?

Конечно, последнее утверждение вызовет критику (доброжелательную и не очень), но давайте вкратце рассмотрим историю «персонажа», коллективный портрет которого дал Беляков. Первые выезды ордынской знати на Русь относятся к XIV в., однако в это время ещё нельзя говорить о рождении политики использования знатных выходцев. Более определённо об этой практике мы можем говорить применительно к концу XV столетия, впрочем, и тогда она имела крайне осторожный, неторопливый характер. В XVI в., при Василии III и особенно при Иване Грозном, выезд татар в Россию начинают активно стимулировать. При первом русском царе эта политика была ориентирована на «максимально возможный вывоз Чингисидов (в первую очередь) в Россию». Однако в XVII в. активность московской дипломатии в «охоте на Чингисидов» заметно снижается. Связано это с изменениями вектора внешней политики. Всё чаще Чингисиды выполняют роль «статистов» в церемониальных действиях Романовых. Наиболее ярко это проявилось во времена «тишайшего» царя. Однако после него и эта область «применения» для представителей «золотого рода» приходит в забвение. В результате в 1718 г. произошло, по мнению автора, завершение процесса включения Чингисидов в верхушку российского общества.

Сама корпорация служилых Чингисидов была довольно многочисленной (автор выделил 189 персон, без учёта родни) и, откровенно говоря, разношёрстной. Ясно, что в Москве была какая-то своя иерархическая система для них,

³² Сб. РИО. Т. 41. С. 553.

но целостного представления о ней у современных историков нет. Автор, используя данные разрядных книг, выделил три схемы отношений внутри группы служилых Чингисидов. В 1550–1560-е гг. иерархическую «лестницу» возглавлял Шах-Али б. Шейх-Аулияр, с 1570 по 1590-е гг. – Симеон Бекбулатович (с. 380–381). Объясняя эту систему, Беляков пишет: «Возглавляли иерархию служилые цари, в первую очередь касимовские, дальнейший порядок зависел от времени выезда и степени родства». Среди других принципов (при изучении карьеры казахского царевича Ураз-Мухаммеда) исследователь отметил внешнеполитические факторы (с. 381). Список принципов, определявших место Чингисидов на иерархической лестнице, предлагаемый автором, выглядит вполне обоснованным, но исчерпывающим ли? Думается, нет. Обращает на себя внимание тот факт, что во второй половине XVI столетия во главе корпорации находятся представители астраханской династии (используя определение А.В. Белякова, хотя и сомневаюсь в правомерности его употребления). Случайно ли это? Обращает на себя внимание то, что после пресечения потомства Улуг-Мухаммеда на казанский престол из Москвы предлагаются именно «Тимир-Кутлуевы дети». Предпочтение султанам Большой Орды становится более очевидным, если учитывать, что в это время в Русском государстве проживали сибирские Чингисиды. Интересно, что это предпочтение сохранялось несмотря на неприятие сыновей Шейх-Аулияра (Шах-Али и Джан-Али) казанцами. Видимо, в Москве исходили из той точки зрения, что люди, ведущие свой род от ханов Большой Орды, являются лидерами Чингисидов по происхождению. В пользу этого говорят слова Казанской истории: «Бе бо царь Шигалей по роду от великих царей и от Златяя Орды»³³. Так же и родословные книги начинают родословие Чингисидов с большеордынских (астраханских) ханов³⁴. Очевидно, что мы видим фрагменты доктрины, определявшей русскую политику в постордынском мире и оказывающую влияние на выстраивание отношений со служилыми татарами и Чингисидами.

Реконструкция этой доктрины и её развитие – дело будущего, но наблюдения А.В. Белякова позволяют «рассмотреть» контуры. Исследование придворных служб, проведённое автором, показало достаточно глубокую вовлечённость Чингисидов в церемониалы Кремля. Причём первоначально в них принимали участие только крещённые Чингисиды, с середины XVI столетия также и мусульмане. Во второй четверти XVII в. об этой практике «забывают», но возвращаются к ней после 1654 г. Впрочем, после смерти Алексея Михайловича придворные службы царевичей сходят на нет (с. 120, 125, 128–129). Несомненно, что активное «использование» выезжих Чингисидов при Дворе Алексея Михайловича было связано с амбициями этого царя. Весьма интересны наблюдения Белякова над случаями участия царевичей в религиозных действиях. Анализируя факты их присутствия на церемониях Вербного воскресенья, автор предположил, что «тем самым московские государи символически как бы повторяли отдельные эпизоды земной жизни Христа, в данном случае – приход волхвов (восточных царей) к новорожденному Спасителю» (с. 124). Интерпретация, конечно, не бесспорная (что осознаёт и сам автор), но небезыңтересная.

³³ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 292.

³⁴ Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 22.

Важным моментом в изучении процесса инкорпорации служилых Чингисидов в русскую элиту является вопрос о межрелигиозном общении. Последние исследования по этой проблематике рисуют довольно сложную картину взаимодействия религий и властей, причём государственная практика России в религиозном вопросе долгое время носила индифферентный характер, однако, в XVII в. власти постепенно переходят к агрессивной христианизации иноверческого населения. История российских Чингисидов в этом контексте повторяет общие закономерности. Автор отмечает, что эта практика реализовывалась не равномерно. В начале XVII в. в России стремились крестить всех царевичей, но затем началась политика крещений на «добровольной основе». В XVII в. постепенно перешли к насильственной христианизации, что, в целом, было связано с резким снижением статуса этой служилой корпорации.

Анализируя состав Двора, А.В. Беляков не ставит вопроса о наличии у служилых Чингисидов канцелярии. Автор отмечает у них лишь одного дьяка в 1563 г., причём русского. Однако это не говорит об отсутствии у касимовских «царей» своих канцляристов. Дело в том, что хафизы (в книге – абызы), о которых историк пишет почти только как о чтецах Корана, в русских источниках того времени очень часто определяются как «дьяки»³⁵, так что определённые административные функции они исполняли и задолго до начала XVIII в. (с. 172, прим. 35). В целом можно предположить наличие у касимовских Чингисидов своей (скорее всего, небольшой) канцелярии, впрочем, это наблюдение не свидетельствует об исключительности Касимова, так как наличие канцелярии у крупных вотчинников вполне логичное явление.

В целом, если говорить о внутренней структуре дворов выезжих Чингисидов, то стоит отметить, что их содержание не было попыткой «перенести на русскую землю привычные реалии», а первоначально именно этими реалиями и являлось. Дело в том, что Беляков рассматривает дворы как факт, сложившийся уже в Русском государстве, но чаще всего в XV–XVI вв. Чингисиды эмигрировали со своим дворами, уже сформировавшимися на родине. Имеющаяся информация показывает значительное совпадение состава (конечно, не поимённого, а, если так можно выразиться, починовного) дворов степных ханов и султанов с их эмигрировавшими «коллегами». Ясно, что с течением времени такое явление становится всё более искусственным, но всё же показательным, что обычно Двор того или иного царевича-эмигранта состоял из тех людей, с кем он выехал.

Интересными представляются наблюдения автора над организацией дворов служилых Чингисидов в России. Он вполне аргументированно отвёл гипотезу Д.М. Исхакова о двухкрыльевом строении военного отряда касимовских царей, при котором Царёв полк формировался из татар, проживавших в Подлипкинском (Царицынском) стане, а Сеитов полк – в Ахматове стане³⁶. Выявленный Беляковым актовый материал противоречит этому суждению: «строгое распределения представителей той или иной корпорации не прослеживается» (с. 177). Впервые разделение на Сеитов и Царёв полки фиксируется в 1554 г.; оно связано с историей формирования касимовской корпорации служилых та-

³⁵ Например, именно так характеризует русский посланник в Ногайской Орде Елизарий Мальцев хафиза, посланного к нему Юнусом б. Юсуфом: «да дияка своего Еналея абыза» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 246).

³⁶ *Исхаков Д.М.* О внутреннем делении Касимовских татар и его истоках // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Вып. 2. Казань, 2001. С. 289–298.

тар. Так, городецкие (Сеитов полк) татары представляли собой потомков тех, кто выехал в Россию ещё в XV в. (с. 177). Царёв полк (другое название – Шигалеевы татары) – это те, кто входил в состав двора эмигрировавшего из степей Шейх-Аулияра и его сына Шах-Али (с. 180). В целом, Белякову удалось восстановить эволюцию дворов служилых Чингисидов за два столетия. Если в начале их рассматривали как существенный компонент военной силы Русского государства, то постепенно это значение начало снижаться, а во второй половине XVII в. «дворы представителей “золотого рода” сравнялись с положением дворов московской православной знати» (с. 258).

Крайне важным для исследования всего комплекса проблем темы «Служилые татары в России» является анализ такого феномена как «Касимовское царство». Как известно, ряд историков предполагают, что это реально существовавшее образование, имевшее некоторое время независимость, границы, административное устройство. А.В. Беляков убедительно доказал ошибочность этой версии. Изучение исторической географии Мещеры позволило ему сделать принципиально важные выводы. Во-первых, административным центром края была Мещера, она же Елатьма. Около 1566/67–1570 гг. административный центр переносится в Шацк. Существенным моментом является то, что Мещера и Шацк имели разное подчинение. Первая ведалась в приказе Казанского дворца, а второй – во Владимирской чети; так же разнилось и епархиальное управление краем. Таким образом, учитывая эти и другие факты, автор отвергает наличие границ особого Касимовского царства и ограничивает его касимовским посадом, некоторыми земельными участками в самом городе и поместьями самого «касимовского царя». Источники не дают оснований говорить и о существенном наборе административных функций у «царя». Так, например, поземельные споры татар Касимовского уезда разбирал касимовский воевода. В рецензируемой монографии убедительно доказана эфемерность «Касимовского царства», которое появилось, пользуясь словами А.В. Белякова, «на кончике пера» некоторых историков.

Рассуждения о роли левирата в постзолотоордынском обществе занимают в работе Белякова существенное место, однако тезис о легитимирующем значении этой брачной практики в деле престолонаследия всё-таки представляется недостаточно убедительным. С одной стороны, в пользу этого говорят факты, проанализированные в книге (с. 91–104). С другой стороны – остаётся вопрос: насколько действенным в условиях полигамии был этот обычай. И если да, то на каком основании определяли главную кандидатуру из всех жён для передачи власти? Также сомнительно, что московские власти при «посаждении» касимовского царя вдавались в подробности генеалогии его супруг. Думается, что левират служил больше для сохранения средств существования вдовы и баланса сил среди татарской элиты, мирных отношений с соседями. В частности, это видно на примере браков казанских ханов с ногайскими аристократками. Так, Мухаммед-Эмин был женат на дочери ногайского бия Мусы, а после смерти в русском плену его сводного брата Али – на его жене, дочери брата Мусы – Ямгурчи Каракуш. Говорить о каком-либо легитимирующем характере этого брака оснований нет, так как жених и без того был казанским ханом. Брак Сафа-Гирея с вдовой Джан-Али-хана, Сююн-бике, тоже базировался не на желании узаконить свою власть над Казанью, а на внешнеполитических расчётах. Сделанные замечания констатируют сложность изучаемой проблемы и необходимость проведения специальных исследований брачной политики в

постзолотоордынском мире. Сама же гипотеза, предложенная автором, не лишена известного изящества, но переводить её в разряд объясняющих теорий я бы не спешил.

Хочется отметить, что объём проанализированных А.В. Беляковым материалов впечатляет. Что важно, это исследование актуализирует ряд вопросов, в частности об истории брачной политики в постзолотоордынском мире, о проблемах интеграции представителей различных народов и конфессий в единое Русское государство, о роли в этом процессе эмиграции. Среди этих проблем хочется назвать и компаративистское исследование института служилых татар на материалах истории Великого княжества Литовского, Турции и т.д., благо материалы для подобных штудий в последнее время заметно накапливаются.

Рустам Шукуров: Россия, Византия и чужаки

Монография Андрея Васильевича Белякова примечательна в нескольких аспектах. Она может стать классическим исследованием по данной теме. В пользу этого говорит и исчерпывающее на сегодняшний день привлечение первоисточников с опорой на неизданные архивные документы, и весьма высокий уровень детализации темы, которая исследуется во множестве её аспектов (социальном, политическом, экономическом, культурном). Кроме того, исследование Белякова характеризуется чертой, присущей добротным исследованиям фактографического плана: глубокая, детальная проработка «исторической фактуры». Автор в отдельных главах последовательно излагает пути проникновения представителей рода Чингисидов на Русь, их дворцовую жизнь, источники доходов, статус в русском обществе и при дворе. Выдвигая на первый план задачи просопографического исследования, Беляков восстанавливает биографии отдельных представителей рода Чингисидов настолько полно, насколько это позволяют сохранившиеся источники. Исследование концентрируется на сборе и систематизации фактического материала и избегает, как правило, общих теоретических построений. Однако количество порождает качество. Монография, столь скрупулёзно разработавшая фактические детали жизни царевичей-Чингисидов на Руси, явилась существенным вкладом в ныне весьма популярный в гуманитарной теории раздел – аллологию, т.е. знание о чужом, о бытовании «чужого» в обществе и культуре, о путях его «освоения» рецепирующей культурой. В качестве одного из итогов исследования А.В. Беляков выделяет следующее: «представители “золотого рода” в России на протяжении всего рассматриваемого периода оставались неким инородным элементом, который скорее мешал, нежели помогал при достижении тех или иных целей» (с. 416). Именно достоверное, объективное описание «чужого» в контексте господствующей русской культуры выводит это исследование далеко за рамки русистики: оно даёт богатый материал для понимания того, где именно проходила граница между «своим» и «чужим» как для русских, так и для тюрко-монгольской родовой знати. Мы яснее начинаем видеть специфические для традиционных культур механизмы «освоения», «ассимиляции», «натурализации» пришельца, являющегося носителем чуждой ментальности, религии, языка, политического и социального этоса.

В силу высокого качества проработки материала работы А.В. Белякова приобрели важность и для специалистов, имеющих дело с типологически сходными проблемами на материале других культурных ареалов, относящихся к

христианскому кругу – истории Византии, Средневековой Европы, государств крестоносцев на Ближнем Востоке. В чём же заключается параллелизм русской и византийской ситуаций в отношении обсуждаемой Беляковым темы? Византия, как и Русь, на протяжении большей части своей истории граничила с мусульманским миром. Отношения с восточными соседями у Византии, так же как и у Руси, характеризовались сложной структурой: с одной стороны, сложности были перипетии политической истории (отступления, реконкисты, периоды равновесия), с другой стороны, через восточную границу шёл непрерывный коммуникационный обмен (знаниями, идеями, артефактами, людьми). Границу между Византией и Русью и их восточными соседями было бы ошибкой представлять в современном образе «государственной границы» как некоей непроницаемой линии, которую можно пересечь лишь в немногих точках-портах и лишь при предъявлении соответствующих документов. Граница восточных окраин Византии и Руси представляла собой скорее воображаемую линию или, точнее, весьма обширную буферную зону, открытую для свободного перемещения в обе стороны от неё материальных предметов, идей, людей. Причём Византия и Русь были моноконфессиональными образованиями, на их пространствах господствовала христианская религия со всеми культурными и правовыми последствиями, которые в идеале не предполагали присутствия внутри собственного правового поля чужаков-иноверцев в качестве поданных христианского государя.

Именно в силу радикального универсализма христианства и абсолютной природы христианской истины, средневековая христианская государственность в идеале не приемлет иноверчества внутри собственной юрисдикции. Этим объясняются гонения в эпоху Средневековья на иудеев, язычников и мусульман. Напротив, иная ситуация складывалась в мусульманском мире, где христианство, иудаизм и зороастризм рассматривались как дозволенные религии, а потому носители этих религий обладали чётко определённой правовой нишей в мусульманском юридическом поле³⁷. В средневековых христианских государствах такой правовой ниши у иноверцев не было.

Однако, вопреки своей христианской государственной идентичности, как Византия, так и Русь демонстрируют чрезвычайно высокую степень открытости к переселенцам с Востока. Это и отличало Русь и Византию от большинства государственных образований христианского средневекового мира, в особенности от западноевропейских моделей отношения к иноверцам на собственных территориях. Источники дают многочисленные примеры расселения иноверцев на византийских и русских территориях, которые хорошо известны специалистам. Но в этой связи возникает целый ряд вопросов, в обобщённом виде сводимых к следующему: каковы были механизмы, процедуры, парадигмы инкорпорации «чужих» и «чуждых» (конфессионально, лингвистически, культурно) в византийское и русское общества и какова была мера открытости этих обществ по отношению к иноверцам и инородцам?

Между русским и византийским отношением к мусульманам-переселенцам обнаруживается множество параллелей. Так, известно значительное число мусульман, оказавшихся на службе в Византии. Это сотни человек из порядка 70 тыс. византийцев (подсчёты пока приблизительные), известных нам по име-

³⁷ О юридическом статусе иноверцев в исламском средневековье см., например: *Fattal A. Le statut légal des non musulmans en pays d'Islam. Beyrouth, 1959, особенно гл. 5: Les libertés spirituelles* (p. 159–231).

нам из источников с IX по середину XV в. Идентифицируемые переселенцы с Востока составляли от 1 до 2% населения империи. Причём многие из них достигли высоких постов. В IX–XI вв. среди выходцев из мусульманских земель преобладали арабы, а с последней трети XI до самого падения империи в 1453 г. – турки³⁸.

Как и в русской ситуации, иноверцы могли оказаться на территории Византии как добровольно, так и быть насильно перевезены из-за границы. Добровольными переселенцами были, как правило, политические изгнанники, реже люди, искавшие лучшей доли на чужбине. К группе политических изгнанников можно отнести для византийской истории, например, в XIII в. султанов Гийас ал-Дина Кай-Хусрава I (1192–1196, 1205–1211) и ‘Изз ал-Дина Кай-Кавуса II (1245–1261), которые провели годы при Палеологовском дворе. Известно и о добровольных переселенцах: к примеру, это знатный и именитый верховный шаман Золотой Орды Коджабахши в начале XIV в., или же простая, но достаточно состоятельная жительница Золотой Орды (имени её не сохранилось), которая долгие годы мечтала переселиться в Византию и осуществила мечту в 1330-х гг. При византийском дворе, так же как и при русском, находились и заложники, отправленные иностранными правителями в Константинополь как гарантии соблюдения соглашений. Это и печенежские и половецкие заложники в XI–XII вв., и представители дома Османов в начале XV в. (Касим и Фатима – дети Байазиды I, Орхан и его сестра – дети Сулеймана и внуки Байазиды).

И в византийском, и в русском случае значительное число иноверцев попало на территорию страны в результате их захвата в ходе военных кампаний. Исследование А.В. Белякова посвящено знати, за пределами его темы находятся низшие и средние слои русского общества. Однако очевидно, что в России, как и в Византии, присутствовало множество пленников (военнопленных и угнанного в полон населения), находившихся в разных формах личной зависимости. В Византии пленники, как правило, обращались в рабство. Угнанные взрослые и дети оказывались в домах знати в качестве прислуги, нередко становились практически членами семейства в силу сложившихся близких отношений с хозяевами. В поздневизантийскую эпоху таких рабов и вольноотпущенников зачастую именовали турецким словом «чирак» (виз. *циракис*), т.е. «домашний слуга, клиент, ребенок, воспитанный в богатом доме».

Как в Византии, так и в России большинство переселённых мусульман принимали крещение. В византийской ситуации рабы и служилые люди поголовно становились христианами. При этом, как и в России, за редким исключением не было прецедентов насильственного обращения. Сами чужаки крестились, желая встроиться в новую жизнь и максимально воспользоваться её благами. Однако именно тут между византийской и русской ситуациями прослеживается определённое расхождение. Судя по исследованию Белякова, Россия в XV–XVII вв. была в большей степени открытой иноверчеству, чем Византия. Как показывает автор, некоторые семьи Чингисидов, формально находясь в русском

³⁸ Просопографические базы данных по истории Византии: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit* (641–1025). Bd. 1–5. Berlin; N.Y., 1998–2009; *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Bd. 1–12. Wien, 1976–1996; *Cheynet J.-Cl.* L’apport arabe à l’aristocratie byzantine des Xe–XIe siècles // *La société byzantine l’apport des sceaux*. Vol. 2. P. 627–646; *Brand C.* The Turkish Element in Byzantium, 11th–12th centuries // *Dumbarton Oaks Papers*. 1989. Vol. 43. P. 1–25; *Шукуров Р.М.* Византийские турки: к вопросу об этническом составе Византийской империи в эпоху Палеологов // *Византийский временник*. Т. 68 (93). 2009. С. 108–134.

подданстве, продолжали исповедовать мусульманство (с. 82–90, 359). Для Византии подобных случаев не зафиксировано – чужаки, вошедшие в число знати, хотя и сохраняли мусульманское родовое имя как память о своём прародителе, тем не менее непременно переходили в христианство. Отказавшихся креститься пленников византийцы заточали в особые тюрьмы. Византийское общество тем самым как бы выталкивало иноверцев за свои пределы. Как следствие этого настойчивого стремления обратить всех чужаков-иноверцев в православие, в Византии обнаруживаются следы интереснейшего и пока мало исследованного явления, как крипто-мусульманство. Отдельные индивиды и, по-видимому, целые группы, общины новокрещенцев продолжали исповедовать мусульманство³⁹. В XVI–XVII вв. крипто-мусульмане существовали и в Испании. В этой связи возникает вопрос, не обнаруживаются ли следы крипто-мусульманства и в России? Как убедительно показал А.В. Беляков, при всей терпимости русского режима, тенденция к крещению мусульман на территории царства отчётливо прослеживается (с. 87–89, 357–358). Не могла ли породить эта тенденция христианско-мусульманское двоеверие и крипто-мусульманство?

Как видно, параллелей между византийской и российской ситуациями много. Однако русская история XV–XVII в. во много большей степени обеспечена источниковым материалом, нежели византийская. Письменные источники и артефакты, оставшиеся от Византии, являются лишь малой толикой того объёма текстов и вещей, который в реальности был создан византийцами. В этой ситуации более богатый и типологически схожий русский материал позволяет хотя бы на уровне гипотезы восполнить источниковые лакуны в византийской истории, или, по крайней мере, сформулировать вопросы, на которые ещё предстоит найти ответ.

Один из таких вопросов: существовала ли в Византии какая-либо практика, соответствующая русскому шертованию? По всей видимости, что-то подобное практиковалось и там. Из разрозненных данных источников, относящихся к периоду с IX по XIII в., известно, что латинские и тюркские союзники и наёмники давали клятвы византийскому государю согласно собственным обычаям; более того, византийцы подозрительно хорошо знали о формах клятв «северных» тюрков⁴⁰, что заставляет предположить, что печенеги и половцы либо как наёмники, либо как лица, переходящие в византийское подданство, оформляли свои отношения с верховной властью именно через принятые у них клятвы. Возможно, действительно, и в Византии существовала какая-то форма шертования.

Обширная глава в монографии А.В. Белякова (с. 259–371) самым детальным образом обсуждает многочисленные источники доходов знатных переселенцев на русской территории. Естественно, при чтении этой главы у меня возникает вопрос, а что можем мы сегодня сказать о материальном обеспечении высокопоставленных чужаков на византийских территориях? К сожалению, состояние источниковой базы никак не позволяет говорить о византийской ситуации с такой подробностью. Известно, что переселенцы получали денежное довольствие, их наделяли прониями (условные пожалования земельных владений), возможно, они получали земли и в частную собственность, а если служи-

³⁹ Шукуров Р.М. Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в средние века. Вып. 6. М., 2005. С. 214–233.

⁴⁰ Крюков А.М. Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в средние века. СПб., 2009. С. 33–53.

ли в войске, то, вероятно, получали и воинское жалование, а также распоряжались воинской добычей. Это, пожалуй, всё, что выяснено на данный момент. Эти виды материального обеспечения византийских служилых иностранцев и инородцев имеют прямые параллели в русской практике, т.е., как представляется, византийская и русская модели были типологически сходными или, может быть, даже идентичными. Хотя для византийской истории мы вряд ли можем достичь такого уровня детализации, который демонстрирует обсуждаемая монография.

При знакомстве с монографией А.В. Белякова и рассмотрении её в сравнительном ключе возникает и ещё одна теоретическая проблема. Параллелизм между византийской и русской моделями обращения с чужеземцами носит типологический или генетический характер? Другими словами, явился ли этот параллелизм следствием того, что и Византия, и Русь оказались в сходной ситуации по отношению к своим восточным соседям? Или же это следствие того, что Русь восприняла из Византии не только конкретные формы «освоения» чужаков, но и более общие, фундаментальные принципы государственного и социального устройства, в котором при всех его внешних отличиях от византийского источника, воспроизводился первичный код, унаследованный из Византии? Как представляется, ответ на этот вопрос был бы весьма новым и существенным дополнением к традиционной теме рецепции византийской религиозной и светской культуры на Руси.

Подводя итог размышлениям по поводу монографии А.В. Белякова, хочется ещё раз подчеркнуть её исключительно высокий уровень, а также значимость обсуждаемых им проблем для других культурно-географических ареалов.

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым